

АЛЕКСЕЙ АГАПОВ

ПЕРЕСМЕШНИК

Алексей Агапов

Пересмешник

«Автор»

2026

Агапов А.

Пересмешник / А. Агапов — «Автор», 2026

Он не искал неприятностей. Они сами его нашли. Алексей Воронов — бывший майор спецназа ФСБ, а ныне частный детектив без лицензии, с револьвером за поясом и шрамом через бровь. Он пьёт виски в баре «У Кривого», избегает людей и старается не вспоминать о том, что случилось пять лет назад. Тогда при странных обстоятельствах погибла его жена. Дело закрыли. Виновных не нашли. Воронов ушёл из органов и поклялся докопаться до правды. Но правда оказалась страшнее, чем он думал. Когда к нему приходит адвокат влиятельной семьи и просит найти пропавшую дочь, Воронов соглашается — не ради денег. На фотографии девушки он видит кулон. Серебряную спираль. Точно такой же, какой был у его жены в день смерти. След ведёт в закрытый клуб «Эдем», где элита города танцует под гипнотическую музыку и слушает человека, который называет себя Кукловодом. Здесь не просто убивают — здесь переделывают людей. Вживляют в мозг микрочипы. Стирают личности. Создают армию.

© Агапов А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Агапов

Пересмешник

Глава 1. Дождь не смывает кровь

Санкт-Петербург не любит тех, кто возвращается. Город помнит всё: трещины в асфальте, шёпот каналов, тени на стенах доходных домов. И когда ты идёшь по его улицам в три часа ночи, под дождём, который не смывает ни грязь, ни кровь, — он смотрит на тебя глазами мёртвых.

Алексей Воронов, бывший майор спецназа ФСБ, а ныне частный детектив с лицензией, которая давно истекла, сидел в баре «У Кривого» на Лиговском проспекте. Заведение это знали только свои: ни вывески, ни меню, ни охраны. Три стола, барная стойка из тёмного дуба, запах перегара и сырости. Идеальное место, чтобы не быть найденным.

Дождь барабанил по жестяному козырьку над входом. Леший — так его звали все, кроме официальных бумаг, — потягивал виски из гранёного стакана. Лёд давно растаял. Он смотрел на своё отражение в зеркале за стойкой: тридцатипятилетний мужчина с тяжёлым взглядом, трёхдневной щетиной и шрамом, пересекающим левую бровь. Шрам был старый, полученный в Грозном, но всё ещё напоминал о себе, когда менялась погода.

— Ещё? — спросил Кривой, хозяин заведения, протирая стакан полотенцем, которое знавало лучшие дни.

— Нет, — Леший покачал головой. — Завтра дела.

— У тебя всегда «завтра дела», — усмехнулся Кривой. — А потом ты сидишь здесь до утра и смотришь в зеркало, как будто там ответы.

— Может, и есть.

Кривой не стал спорить. Он знал Лешего десять лет — с тех пор, как тот уволился из органов после истории, о которой не рассказывал даже под пытками. Знал, что за внешним спокойствием скрывается человек, который давно перестал бояться смерти, но так и не научился жить.

Дверь скрипнула. Леший не обернулся — привычка, выработанная годами. Он видел отражение в зеркале: трое. Молодые, крепкие, в одинаковых чёрных куртках. Бритые головы, тяжёлые ботинки. Такие приходят не пить.

— Воронов? — спросил первый, остановившись в двух метрах за спиной.

Леший медленно поставил стакан.

— Допустим.

— Тебе привет от Сергея Львовича.

Сергей Львович Кравцов. Криминальный авторитет, который контролировал половину города. И который пять лет назад заказал убийство жены Лешего. Не напрямую — через третьи руки, но Леший знал. Знал, но не мог доказать. Пока.

— Какой трогательный жест, — сказал Леший, не поворачиваясь. — Передай ему, что я тронут.

— Он хочет вернуть должок, — продолжил первый, делая шаг вперёд. — Ты задолжал ему триста тысяч. Срок вышел.

Леший наконец обернулся. Медленно, с ленцой, которая всегда предшествовала взрыву.

— Должок? — Он поднял бровь. — Я думал, мы в расчёте после того, как я не сдал его ментам его же схемы с недвижимостью.

— Львович так не считает.

Второй и третий синхронно расстегнули куртки. Леший заметил рукояти ножей, торчащие из-за поясов. И, скорее всего, пистолеты в кобурах под мышкой. Профессионалы. Но не очень хорошие, иначе не стали бы разговаривать.

— У вас есть выбор, — продолжил первый, и в его голосе появилась угрожающая нотка. — Либо ты отдаёшь деньги, либо мы забираем их сами. С процентами.

— С процентами, — повторил Леший, вставая. — Это сколько же?

— Триста пятьдесят.

— А если у меня нет?

— Тогда мы забираем что-то другое.

Первый сделал ещё шаг. Теперь между ними было меньше метра. Кривой за стойкой напрягся, но Леший едва заметно покачал головой: не вмешивайся.

— Знаете, — сказал Леший, и в его голосе появилась странная, почти меланхоличная нотка, — я не люблю, когда мне угрожают. Но ещё больше я не люблю, когда это делают в моём любимом баре. Кривой, у тебя же недавно ремонт был?

— Был, — ответил тот, уже начиная отходить к дальней двери.

— Жалко будет испортить.

Первый бандит не успел ничего сказать. Леший ударил его лбом в переносицу — коротко, резко, без замаха. Хруст ломающегося хряща прозвучал громко, как выстрел. Бандит отшатнулся, зажимая лицо руками, кровь хлынула сквозь пальцы.

Второй выхватил нож. Лезвие блеснуло в тусклом свете. Он ударил снизу вверх, целясь в живот. Леший сделал шаг в сторону, пропуская клинок в миллиметре от куртки, и перехватил запястье противника. Резкий рывок — и рука бандита вывернулась под невозможным углом. Нож упал на пол. Леший добавил локтем в висок, и второй рухнул, как подкошенный.

Третий оказался умнее. Он отпрыгнул назад, выхватывая пистолет. Но Леший уже был рядом. Он схватил со стойки бутылку — первую попавшуюся, кажется, водку — и метнул её в лицо противнику. Тот инстинктивно прикрылся, и этого мгновения хватило. Леший ударил его ногой в колено, заставив согнуться, а потом — коленом в челюсть. Пистолет грохнул, пуля ушла в потолок, осыпав всех штукатуркой. Третий упал.

Тишина.

Леший постоял секунду, прислушиваясь. Дождь. Шаги Кривого за стойкой. Стоны первого бандита, который всё ещё держался на ногах, но уже плохо соображал.

— Передай Львовичу, — сказал Леший, подходя к нему вплотную. — Я верну деньги. Когда найду того, кто убил мою жену. А если он ещё раз пришлёт ко мне своих шестёрок, я приду к нему сам. И тогда разговор будет коротким.

Он схватил бандита за шиворот и выволок его к двери. Открыл. Дождь хлынул внутрь, холодный и злой. Леший швырнул первого на асфальт, потом вытащил второго и третьего, свалив их в кучу у стены.

— Идите. Пока я добрый.

Дверь закрылась. Кривой выглянул из-за стойки.

— Ты знаешь, что после этого он пришлёт больше?

— Знаю, — Леший вернулся к своему стакану. — Но это будет потом.

Он сел, и только сейчас заметил, что руки слегка дрожат. Не от страха. От ярости, которую он держал внутри, как зверя на цепи.

— Может, всё-таки ещё нальёшь? — спросил он.

Кривой молча достал новую бутылку.

Адвокат появился через час. Леший уже успел остыть, выпить ещё два стакана и выслушать от Кривого лекцию о том, что рано или поздно его найдут и убьют, и что пора бы уже сменить профессию.

— Мистер Воронов? — Голос был интеллигентный, с лёгкой хрипотцой.

Леший обернулся. У входа стоял мужчина лет пятидесяти, в дорогом пальто и с зонтом, который стоил больше, чем всё содержимое бара. Аккуратная седина, очки в золотой оправе, портфель из кожи явно ручной работы.

— Допустим.

— Меня зовут Аркадий Вениаминович Штерн. Я представляю интересы семьи Корф.

Леший нахмурился. Корфы были одной из самых богатых семей города. Отец — владелец сети клиник, мать — известный искусствовед, дочь — Елена Корф, двадцать три года, студентка художественного училища. О ней писали в новостях. Неделю назад она исчезла.

— И что нужно семье Корф от частного детектива без лицензии?

Штерн подошёл ближе, поставил портфель на стойку. Открыл. Внутри лежала пачка денег — толстая, перетянутая резинкой. И фотография.

— Это аванс, — сказал адвокат. — Пятьдесят тысяч. Остальное — по факту.

Леший не притронулся к деньгам. Он взял фотографию. С неё смотрела молодая девушка: светлые волосы, зелёные глаза, лёгкая улыбка. Красивая. И что-то в её взгляде было не так. Слишком спокойная. Слишком отстранённая, как будто она смотрела не в объектив, а куда-то сквозь него.

Но не это заставило Лешего замереть.

На шее девушки висел кулон. Серебряный, в виде спирали. Тонкой, изящной, с крошечным камнем в центре.

Леший знал этот кулон.

Он видел его каждый день в течение пяти лет. На шее своей жены.

— Откуда у неё это? — спросил он, и голос его прозвучал глухо.

Штерн моргнул.

— Простите?

— Кулон. Где она его взяла?

Адвокат выглядел озадаченным.

— Не знаю. Елена никогда с ним не расставалась. Говорила, что это подарок... Она не объясняла, от кого. Это важно?

Леший не ответил. Он смотрел на спираль, и в голове проносились обрывки воспоминаний: жена, Анна, смеётся, запрокинув голову, а кулон покачивается на её груди; Анна в морге, бледная, неподвижная, и тот же кулон — единственное, что осталось; её похороны, дождь, грязь, и Леший стоит у могилы, не веря, что это происходит с ним.

— Мистер Воронов? — Штерн осторожно коснулся его плеча. — Вы меня слышите?

Леший оторвал взгляд от фотографии.

— Кто её нашёл? — спросил он. — Я имею в виду, кто сообщил о пропаже?

— Мать. Елена не вернулась домой после занятий. Обычно она приходила к шести. В тот вечер — нет. Телефон отключён. Друзья ничего не знают. Полиция начала поиски, но... — Штерн развёл руками. — Они не нашли ничего. Ни следов, ни свидетелей. Как будто она растворилась в воздухе.

— И вы пришли ко мне.

— Нам рекомендовали вас. Сказали, что вы... — адвокат замялся, — ...умеете находить то, что другие не могут.

Леший усмехнулся. Он знал, что за рекомендация. Полковник Гром, старый друг, иногда подкидывал ему заказы. Заказы, которые не хотели официально регистрировать. Дела, которые пахли чем-то гнилым.

— Сколько у меня времени?

— Чем быстрее, тем лучше. — Штерн посмотрел на часы. — Родители готовы заплатить любую сумму. Они очень напуганы.

Леший снова взглянул на фотографию. Спираль на шее девушки. Тот же символ, что и на кулоне Анны. Совпадение? Он не верил в совпадения.

— Мне нужно поговорить с Верой Соколовой, — сказал он.

Штерн нахмурился.

— Судебный психиатр? Зачем?

— Она умеет... — Леший подбирал слова, — ...видеть то, что скрыто. Пусть будет так.

— Я могу организовать встречу. Но она... — адвокат замялся, — ...говорят, она странная. Нелюдима.

— Я тоже странный, — сказал Леший. — Мы поладим.

Он взял деньги со стойки. Пересчитал — ровно пятьдесят тысяч. Положил в карман. Потом взял фотографию и аккуратно спрятал во внутренний карман куртки.

— Я возьмусь за дело, — сказал он. — Но с одним условием.

— Каким?

— Если я найду того, кто это сделал, — Леший посмотрел Штерну прямо в глаза, и адвокат невольно отшатнулся, — я сам решу, что с ним делать. Без полиции. Без суда. Без ваших рекомендаций.

Штерн сглотнул.

— Я... я передам семье.

— Передайте.

Адвокат быстро собрал портфель и направился к выходу. У двери он обернулся.

— Мистер Воронов, я слышал, вы были хорошим офицером. Что случилось?

Леший молчал. Дождь стучал по крыше. Кривой за стойкой делал вид, что не слушает.

— Я узнал слишком много, — наконец сказал Леший. — И слишком мало успел.

Штерн кивнул, как будто понял. Открыл зонт и вышел в ночь.

Леший остался один. Он достал фотографию, положил на стойку. Спираль. Символ бесконечности. Или лабиринта. Или чего-то, что не имеет конца.

— Кто ты, Елена Корф? — прошептал он. — И почему у тебя то, что убило мою жену?

Ответа не было. Только дождь. Только шёпот города, который помнил слишком много.

Леший допил виски и встал. Пора было найти Веру Соколову. И, возможно, ответы на вопросы, которые он задавал себе пять лет.

Выйдя из бара, он сразу понял, что за ним следят.

Не интуиция — опыт. Тёмный седан, припаркованный в двадцати метрах, с выключенными фарами. Силуэт за рулём. И ещё один — на балконе соседнего дома, слишком неподвижный для обычного жильца.

Леший не подал вида. Он спокойно пошёл к своей машине — старому чёрному «Лэнд Крузеру», который помнил лучшие дни. Дождь усилился, превратив улицу в реку. Хорошо. Дождь скрывает многое.

Он сел за руль, завёл двигатель. Медленно выехал на Лиговский. Седан тронулся следом.

— Ну давай, — пробормотал Леший. — Поиграем.

Он нажал на газ. «Крузер» рванул вперёд, разрезая потоки воды. Седан отстал на секунду, потом прибавил скорости. Леший свернул в переулок, потом ещё раз — резко, без поворотов. Седан повторил манёвр.

— Значит, не случайно.

Он выехал на набережную канала Грибоедова. Пусто. Ночь. Только редкие машины и жёлтые пятна фонарей в лужах. Леший прибавил скорости до ста двадцати. Седан не отставал.

Впереди загорелся красный. Леший не сбросил скорость. Он проскочил перекрёсток в последний момент, когда поперёк уже поехали машины. Седан попытался повторить, но не успел — грузовик с овощами перекрыл ему путь. Визг тормозов, гудки, ругань.

Леший свернул в арку и заглушил двигатель. Тишина. Только дождь и стук собственного сердца.

Он просидел так пять минут, вглядываясь в зеркало заднего вида. Никого. Оторвался.

Но вопросы остались.

Кто следил? Кравцов? Люди Кукловода? Или кто-то ещё, кто знал, что он взялся за это дело?

Леший достал фотографию Елены. Спираль на её шее. И вдруг заметил то, чего не увидел раньше: на заднем плане, за спиной девушки, было зеркало. А в зеркале — отражение. Размытое, но узнаваемое.

Мужчина в белом халате. Спина. И на спине — татуировка. Та же спираль.

— Чёрт, — выдохнул Леший.

Он завёл машину и поехал к дому Веры Соколовой. Время игр закончилось. Теперь началась настоящая охота.

Глава 2. Считывание

Вера Соколова жила на Васильевском острове, в старом доходном доме с лепниной на фасаде и трещинами, которые никто не торопился заделывать. Квартира была на пятом этаже, без лифта. Леший поднимался по тёмной лестнице, считая ступени. Двадцать восемь. Он запомнил.

Дверь открылась раньше, чем он успел постучать.

— Вы опоздали на семь минут, — сказала женщина, стоявшая на пороге. — Я успела подумать, что вы не приедете.

Вера Соколова выглядела не так, как он ожидал. Никакого белого халата, никакого клинического холода. Чёрная водолазка, джинсы, босиком. Волосы тёмные, коротко стриженные, с одной седой прядью у виска — странный контраст с молодым лицом. Глаза серые, почти прозрачные, и в них — то, что Леший видел у людей, которые слишком долго смотрели в бездну.

— Пробки, — сказал он.

— Вы не были в пробке. Вы отрывались от хвоста.

Леший замер.

— С чего вы взяли?

— У вас на рукаве след от кирпичной пыли. Вы тёрлись о стену, когда прятались в арке. — Она посторонилась, пропуская его. — Заходите. И выключите телефон. Полностью. Не просто беззвучный режим.

Леший шагнул внутрь и огляделся. Квартира была заставлена книгами — стеллажи от пола до потолка, стопки на полу, на подоконнике, на столе. Пахло воском и пылью. На стенах — карты города с наколотыми булавками. На одной из них Леший заметил отметки в районе, где пропала Елена Корф.

— Вы уже в курсе, — сказал он.

— Мне позвонили. — Вера прошла на кухню, зажгла газовую горелку, поставила чайник. — Полковник Гром. Сказал, что придёт человек, который ищет пропавшую девушку. Сказал, что ему можно доверять. — Она обернулась. — Гром ошибается редко. Но иногда ошибается.

— Вы знаете Грома?

— Все знают Грома. — Вера достала две чашки, бросила в каждую по щепотке сушёной травы. — Он присылает мне дела, которые не хочет показывать официальным экспертам. Я смотрю. Иногда нахожу то, что полиция пропустила. Иногда — то, что полиция предпочла не замечать.

— И что вы находите?

— Правду. — Она посмотрела на него в упор. — Проблема в том, что правда редко кому нравится.

Чайник закипел. Вера залила траву кипятком, и по кухне поплыл горьковатый запах. Леший сел за стол, вытащил фотографию Елены, положил перед собой.

— Мне нужно, чтобы вы посмотрели на это.

Вера подошла, взяла фотографию. Долго смотрела. Потом перевела взгляд на Лешего.

— Вы знаете, что я делаю?

— Гром объяснил. В общих чертах.

— Тогда вы должны понимать: то, что я делаю, — не наука. Это... — она поморщилась, подбирая слово, — ...считывание. Я прикасаюсь к вещам и вижу то, что они помнят. Иногда это просто картинки. Иногда — чувства. Иногда — крик, который не заканчивается.

— Звучит как психическое расстройство.

— Возможно. — Она не обиделась. — Но это работает.

Леший откинулся на стуле.

— Мне нужно, чтобы вы поехали со мной. В квартиру Елены. Посмотрели на месте.

Вера покачала головой.

— Я не выезжаю. Слишком много... шума. Я не могу контролировать то, что вижу, когда вокруг столько предметов. Столько памяти.

— Тогда я привезу вам что-то оттуда. Что угодно.

— У вас есть что-то уже сейчас? — Она кивнула на его куртку. — Что-то, что принадлежало ей?

Леший задумался. Потом достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги — копию заявления о пропаже, которое мать Елены подавала в полицию. Штерн передал ему вместе с фотографией. На листе был след от пальцев — мать держала бумагу, когда плакала. Но, возможно, там было что-то ещё.

— Это не вещь Елены. Это бумага, которую держала её мать.

Вера взяла лист. Закрыла глаза.

Комната изменилась.

Сначала ничего. Только темнота. Потом — вспышка. Женищина, сидящая за столом. Пожилая, с уставшим лицом. Перед ней — телефон. Она набирает номер. Руки дрожат.

— Полиция? Я хочу заявить о пропаже... Моя дочь...

Голос срывается. Слёзы.

Вера чувствует её страх. Он острый, как нож. И что-то ещё. Что-то под этим страхом. Вина.

Вера отстраняется. Она не хочет это видеть. Слишком личное. Слишком чужое.

Но бумага помнит больше. Она помнит, как мать Елены сидела в комнате дочери, после того как полиция уехала. Как она открыла шкаф. Как достала дневник. Как читала — и не понимала.

Вера видит страницы. Записи. Аккуратный почерк.

«Он говорит, что я избранная. Что я должна пройти очищение. Что после этого я увижу истину».

«Сегодня был первый ритуал. Я пила вино с травами. Мне было страшно, но он держал меня за руку. Он сказал, что страх — это часть пути».

«Я больше не боюсь. Я знаю, что делаю правильно. Мама не поймёт. Никто не поймёт. Но это неважно. Важно только его слово».

Вера переворачивает страницу. И замирает.

Рисунок. Спираль. Такая же, как на кулоне. И подпись: «Кукловод ведёт нас домой».

Потом — темнота. Но не пустая. В ней — запах. Резкий, химический. Озон. И сладкий, приторный запах жжёного сахара.

Вера пытается отстраниться, но видение тянет её дальше. Она видит комнату. Подвал. Каменные стены. Свечи. Люди в белых балахонах стоят кругом. Поют. Мелодия странная, незнакомая, но от неё по спине бегут мурашки.

В центре — девушка. Елена. Она улыбается. Глаза закрыты. Она счастлива.

А потом — рука. Мужская рука с длинными пальцами. Хирургическая точность. Рука касается шеи Елены. Что-то щёлкает. Девушка вздрагивает. Улыбка становится шире.

И голос. Спокойный, вкрадчивый.

— Ты дома, Елена. Теперь ты дома.

Вера хочет закричать, но не может. Видение держит её. Оно показывает ещё одну картинку: лицо. Мужчина. Молодой, красивый, с холодными глазами. Он смотрит прямо на неё. Как будто знает, что она здесь.

— Ты следующая, — говорит он. — Я жду.

Вера рвёт контакт.

Она открыла глаза и обнаружила, что лежит на полу. Леший стоял рядом на коленях, держал её за плечи. Лицо у него было напряжённое.

— Вы кричали, — сказал он. — Минут пять. Я не мог вас разбудить.

Вера села. Голова кружилась. Во рту был привкус металла.

— Воды.

Леший подал чашку. Она выпила залпом, не чувствуя вкуса.

— Что вы видели? — спросил он.

Вера долго молчала. Потом заговорила — медленно, как будто каждое слово давалось с трудом.

— Ваша девушка не пропала. Она ушла сама. Добровольно.

— Почему?

— Потому что ей сказали, что она избранная. Что она должна пройти какой-то ритуал. — Вера поёжилась. — Там были люди. В белых балахонах. Они пели. И был... мужчина. Он касался её. Что-то делал с её шеей. Я не видела что именно, но... — она замолчала.

— Что?

— Запах. Озон и жжёный сахар. Это не духи и не свечи. Это... — она посмотрела на Лешего, и в её глазах был страх. — Это запах горелой плоти. Электроожог.

Леший нахмурился.

— Электроожог? Вы уверены?

— Я чувствовала. — Вера обхватила себя руками. — Я такое уже... видела. Один раз. В морге. Когда привезли тело мужчины, который умер от удара током. Запах был тот же.

Леший встал, прошёлся по кухне. В голове складывалась картина, которая ему не нравилась.

— Вы сказали, там был мужчина. Который её касался. Вы можете его описать?

— Молодой. Красивый. Холодные глаза. — Вера помедлила. — Он сказал, что я следующая. Он знал, что я смотрю.

— Это невозможно.

— Возможно, — тихо сказала Вера. — Если он такой же, как я. Или хуже.

Леший остановился.

— Что вы имеете в виду?

— Я не знаю. Но когда он говорил, я чувствовала... — она снова поёжилась, — ...как будто кто-то копается у меня в голове. Как будто он видел меня насквозь.

Леший вспомнил фотографию. Отражение в зеркале. Мужчина в белом халате. Татуировка-спираль на спине.

— У него была татуировка? — спросил он.

— Не видела. Он был в рубашке.

— А на шее? Кулон? Что-то похожее на спираль?

Вера задумалась.

— Не помню. Может быть. Всё было... размыто. Слишком много эмоций. — Она подняла на него глаза. — Вы что-то знаете. Что-то, чего не сказали мне.

Леший достал фотографию Елены, показал на кулон.

— Такой же был у моей жены. Пять лет назад. Она погибла при странных обстоятельствах. Я так и не узнал, что произошло.

Вера взяла фотографию. Долго смотрела на спираль.

— Это не украшение, — сказала она наконец.

— А что?

— Символ. Я видела его раньше. — Она встала, подошла к одному из стеллажей, достала потрёпанную книгу в чёрном переплёте. — Вот. «Культы Северо-Запада. История и современность». Издание девяносто восьмого года. — Она открыла на заложенной странице. — Смотрите.

Леший подошёл. На странице была фотография: группа людей в белых одеждах, стоящих кругом. В центре — алтарь. И на алтаре — символ. Спираль.

— «Новая Эдем», — прочитала Вера. — Секта, основанная в начале девяностых. Лидер — бывший нейрохирург, имя не указано. Практиковали... — она запнулась, — ...«электронную медитацию». Воздействие на мозг слабыми разрядами тока. Якобы для «расширения сознания». В двухтысячных исчезли. Полиция закрыла дело.

— Исчезли, — повторил Леший. — Или ушли в подполье.

— Или выросли. — Вера закрыла книгу. — То, что я видела, было не подвалом сектантов. Это была лаборатория.

Леший хотел ответить, но не успел.

Звук был тихий. Почти неслышный. Но Леший его уловил — скрип половицы на лестничной клетке. За дверью.

Он мгновенно изменился. Плечи напряглись, руки сами потянулись к куртке. Вера заметила.

— Что?

— Тихо. — Он показал ей жестом отойти к дальней стене. — У вас есть оружие?

— Нет.

— Плохо.

Он достал из-за пояса револьвер — старый, но ухоженный «Смит энд Вессон». Проверил барабан. Шесть патронов. Потом вытащил керамический нож из ножен на голени.

Дверь вылетела с третьего удара.

Их было четверо. В чёрных масках, с пистолетами с глушителями. Профессионалы. Они не кричали, не требовали ничего. Просто вошли и начали стрелять.

Леший упал на пол, перекатился за стол. Пули разнесли чашки, чайник, застучали по стенам. Вера прижалась к стеллажу, книги сыпались на неё.

— Не высовывайся! — крикнул Леший.

Он выглянул из-за стола, выстрелил дважды. Первый нападавший упал — пуля попала в бедро, потом в грудь. Второй успел спрятаться за дверным косяком.

— Уходим! — крикнул кто-то из них. — Приказ был — только девка!

Значит, им нужна Вера. Леший не собирался это позволить.

Он перекатился к стене, выстрелил ещё раз. Третий нападавший вскрикнул и выронил пистолет — пуля раздробила ему запястье. Четвёртый, тот, что прятался, открыл огонь вслепую.

— Вера! К окну!

Она не заставила себя ждать. Схватила первую попавшуюся книгу — тяжёлый том — и швырнула в нападавшего. Он отвлёкся на мгновение, и этого хватило. Леший выстрелил. Четвёртый упал.

Тишина.

Леший поднялся. Дым от выстрелов щипал глаза. В ушах звенело. Он подошёл к первому нападавшему — тот ещё дышал, хрипел, кровь пузырилась на губах.

— Кто вас послал?

Нападавший улыбнулся — кровавой улыбкой.

— Ты не понимаешь... Он уже... везде...

— Кто?!

— Пересмешник... — выдохнул тот и затих.

Леший обыскал тела. Никаких документов, никаких телефонов. Только оружие — дорогое, профессиональное. И у каждого на внутренней стороне запястья — татуировка. Маленькая. Спираль.

— Твою мать, — прошептал он.

Вера стояла у стены, бледная как мел. В руках она всё ещё сжимала книгу. На полу валялись осколки, гильзы, кровь.

— Они хотели меня, — сказала она. — Почему?

— Потому что вы видели то, что не должны были. — Леший подошёл к ней, забрал книгу, положил на стол. — И потому что вы можете видеть то, что другие не могут. Вы им нужны.

— Кому?

— Тому, кого они называют Пересмешником. — Леший посмотрел на татуировку на запястье мёртвого нападавшего. — Кукловоду.

Вера проследила за его взглядом. Спираль. Та же, что на кулоне. Та же, что в её видении.

— Это он. Тот мужчина, которого я видела.

— Похоже на то.

Она вдруг покачнулась. Леший успел её подхватить.

— Эй. Держитесь.

— Я в порядке. Просто... — Она посмотрела на кровь на полу. — Это из-за меня. Они пришли из-за меня.

— Они пришли за вами. Это не одно и то же. — Леший усадил её на стул. — Собирайтесь. Мы уходим.

— Куда?

— Ко мне. Здесь оставаться нельзя.

Вера кивнула. Медленно, как во сне, встала, взяла куртку, рюкзак с документами. Леший тем временем быстро обыскал квартиру — на случай, если что-то упустил. В ящике стола он нашёл старый блокнот Веры. Пролистал. Записи, даты, имена. Одно имя повторялось чаще других: «Кукловод». И напротив — вопрос: «Кто он?»

Леший сунул блокнот в карман.

— Идём.

Они вышли через чёрный ход. Дождь всё ещё шёл, смывая следы. Леший вёл Веру по тёмным переулкам, избегая освещённых улиц. Машину он оставил в двух кварталах — на всякий случай.

Когда они сели в «Крузер», Вера вдруг сказала:

— Я знаю, кто вы.

Леший завёл двигатель.

— И кто же?

— Вы тот, кто не остановится. — Она посмотрела на него. — Даже если это убьёт вас. Может быть, особенно если это убьёт вас.

Он не ответил. Просто нажал на газ.

В зеркале заднего вида отражался горящий дом. Кто-то вызвал пожарных — слишком поздно. Квартира Веры Соколовой горела. Вместе с телами. Вместе с прошлым.

— Они заматают следы, — сказала Вера.

— Знаю.

— Что теперь?

Леший свернул на набережную. Впереди лежал город — тёмный, мокрый, полный тайн.

— Теперь мы найдём того, кто это сделал. И остановим его.

— А если не сможем?

Леший посмотрел на неё. В его глазах не было ни страха, ни сомнения. Только холодная, спокойная ярость.

— Сможем.

Он прибавил скорости. «Крузер» растворился в ночи, как будто его никогда и не было.

А сзади, на другом берегу канала, стоял человек в белом халате. Смотрел вслед уезжающей машине. Улыбался.

— Беги, Леший, — прошептал он. — Беги быстрее. Мне нравится, когда дичь сопротивляется.

Он повернулся и исчез в темноте. Только спираль на его спине — татуировка, сделанная кровью и током, — ещё мгновение светилась в свете фонарей. А потом погасла.

Глава 3. Клуб «Эдем»

Ночь после пожара они провели в мотеле на окраине города — вонючем, пропахшем хлоркой и чужими грехами. Вера спала на кровати, свернувшись калачиком, не раздеваясь. Леший сидел у окна с револьвером на коленях и смотрел на дождь.

К утру он знал, что делать.

— «Эдем», — сказал он, когда Вера проснулась. — Ночной клуб на Невском. Закрытый. Только для своих. Штерн упоминал, что Елена туда ходила.

Вера села, протёрла глаза.

— Вы думаете, там её и...

— Там её видели последний раз. — Леший развернул на столе карту города, которую забрал из её квартиры до того, как всё сгорело. — Одна из ваших булавок стоит именно там. Вы знали.

Вера подошла, посмотрела на карту. Действительно, на пересечении Невского и канала Грибоедова торчала красная булавка. Рядом её рукой было написано: «Новая Эдем. 12.03».

— Я туда не ходила, — сказала она. — Я... чувствовала. Иногда я ставлю булавки там, где чувствую что-то странное. Это как карта боли.

— И там было больно?

— Там было... — Вера поморщилась, — ...как будто что-то тянет. Как магнит. Я не пошла. Побоялась.

— Правильно боялись. — Леший свернул карту. — Сегодня пойдём вместе.

— Вы с ума сошли? После того, что было?

— Именно поэтому. Они думают, что мы ляжем на дно. А мы пойдём в самое логово. — Он посмотрел на неё. — Мне нужно, чтобы вы были рядом. Если там есть то, что я думаю, вы это почувствуете.

Вера долго молчала. Потом кивнула.

- Хорошо. Но у меня одно условие.
— Какое?
— Вы не будете меня защищать. Я сама справлюсь.
Леший усмехнулся — впервые за долгое время.
— Договорились.

Клуб «Эдем» занимал три этажа бывшего доходного дома на Невском проспекте. Снаружи — никакой вывески, только чёрная дверь с латунной ручкой в виде спирали. Внутри пускали по приглашениям или по рекомендации. Охрана — двое в строгих костюмах, с лицами людей, которые убивали и не такое.

Леший подготовился за день. Через Гнома — хакера, которого знал ещё по армейским временам, — он достал приглашение на имя некоего Аркадия Мельника, коллекционера антиквариата из Москвы. Легенда была простая: интересуется редкими предметами культа, готов платить.

— Ты понимаешь, что это самоубийство? — спросил Гном по телефону. — Этот клуб — не просто клуб. Туда ездят люди, которые могут купить твою смерть.

— Я и есть смерть, — ответил Леший.

— Пафосно. Но я всё равно оставлю твоё имя в списке. Если что — я тебя не знаю.

Вера тем временем готовилась по-своему. Она надела чёрное платье, которое нашла в шкафу мотеля (хозяйка держала несколько для «особых гостей»), и накрутила — ярко, вызывающе, так, чтобы её запомнили, но не узнали. Парик — короткий, рыжий — изменил её до неузнаваемости.

— Вы выглядите как совсем другая женщина, — сказал Леший.

— Это и есть цель.

— Нет. Цель — выжить. Если почувствуете что-то не то — уходите. Немедленно. Не оглядываясь.

— А вы?

— Я справлюсь.

Она хотела что-то сказать, но промолчала.

В десять вечера они вошли в «Эдем».

Интерьер был вызывающе роскошным: чёрный мрамор, золото, бархат. На стенах — картины в стиле Босха, только более извращённые. Люди — элита города: бизнесмены, чиновники, жёны олигархов. Все в масках — буквально. В клубе действовало правило: лица скрыты. Это позволяло делать то, за что не стыдно только под покровом ночи.

Леший в маске ворона чувствовал себя неуютно. Вера в маске кошки держалась рядом, вцепившись в его руку.

— Чувствуете? — тихо спросил он.

— Да. — Она говорила почти шёпотом. — Здесь... тяжело. Как будто воздух из свинца.

— Конкретнее.

— Страх. Много страха. И... — Она запнулась. — Что-то ещё. Как будто кто-то постоянно смотрит. Не снаружи. Изнутри.

Они прошли в главный зал. На сцене выступала группа — авангардный джаз, диссонирующие ноты. Под эту музыку люди танцевали — медленно, словно в трансе.

А потом свет погас.

Прожектор выхватил из темноты фигуру. Мужчина. Высокий, в белом костюме, с гладко зализанными волосами. Лицо красивое, но что-то в нём было неправильное — слишком симметричное, как у манекена. Он поднял руку, и музыка стихла.

— Друзья, — произнёс он, и голос его разнёсся по залу, не нуждаясь в микрофоне. — Сегодня особенная ночь. Сегодня мы приветствуем новых членов нашего... — он улыбнулся, — ...семейного круга.

Толпа зааплодировала. Леший почувствовал, как Вера вцепилась в его руку сильнее.

— Это он, — прошептала она. — Тот мужчина. Из видения.

Кукловод тем временем продолжал:

— Вы все знаете, что мы здесь не просто так. Мы здесь, чтобы стать лучше. Чтобы выйти за пределы человеческого. Чтобы увидеть истину, которая скрыта от глаз обычных людей.

Он говорил, и голос его обволакивал, как дым. Леший почувствовал, как его собственные мысли начинают путаться. Он тряхнул головой, ущипнул себя за запястье. Боль вернула ясность.

— Не слушайте, — прошептал он Вере. — Думайте о чём-то другом.

— Я пытаюсь, — прошипела она. — Но он... лезет в голову.

Кукловод поднял руку. На сцену вывели трёх человек — молодых, красивых, с пустыми глазами. Они встали на колени.

— Сегодня они примут Причастие, — сказал Кукловод. — И станут первыми из нового человечества.

Он достал из кармана маленький металлический предмет. На расстоянии Леший не мог разглядеть детали, но по спине пробежал холод. Он знал, что это. Имплант. Тот самый чип, который он видел в мозгу Елены.

Кукловод подошёл к первому из коленопреклонённых. Положил руку ему на шею. Что-то щёлкнуло. Человек вздрогнул, выгнулся дугой — и замер. Потом открыл глаза. Они светились — слабым, голубым светом.

— Приветствуем нового брата, — сказал Кукловод.

Толпа взорвалась аплодисментами.

Леший сжал кулаки. Ему хотелось броситься на сцену, схватить этого ублюдка за горло и выдавить из него всю правду. Но он не мог. Слишком много охраны. Слишком много свидетелей. И Вера рядом.

— Идём, — прошептал он. — Нам нужно в VIP-зону.

VIP-зона находилась на третьем этаже. Туда пускали только «избранных». Леший и Вера прошли по коридору мимо охранников — Гном постарался, их имена были в списке.

Комната была обита красным бархатом. В центре — круглый стол, вокруг — кресла. На стенах — зеркала. Много зеркал. Леший почувствовал, как Вера напряглась.

— Что?

— Зеркала, — прошептала она. — Они... не отражают. Они запоминают.

Леший посмотрел на своё отражение. Обычное. Но что-то в нём было не так. Как будто отражение чуть-чуть запаздывало.

— Не смотрите, — сказал он.

— Поздно.

Они прошли дальше. В глубине комнаты была ещё одна дверь — тяжёлая, дубовая, с той же спиралью. Леший толкнул её.

За дверью оказалась маленькая комната. Тёмная, без окон. Только одна лампа на потолке. И тело.

Елена Корф лежала на кушетке. Руки сложены на груди. Глаза закрыты. На лице — блаженная улыбка. Такая широкая, что казалась жуткой. Как будто она умерла в момент величайшего счастья.

Вера вскрикнула. Леший зажал ей рот.

— Тихо.

Он подошёл к телу. Пульса нет. Кожа холодная. На шее — маленькая ранка, почти зажившая. След от импланта. На груди — тот самый кулон. Спираль.

А в руке — записка. Сложенная вчетверо. Леший развернул.

«Он вернулся. Я знала, что он придёт. Теперь всё будет хорошо».

Почерк Елены. Он видел её дневник — тот же почерк.

— Что там? — спросила Вера.

Леший передал ей записку. Вера прочитала — и побледнела.

— Это не она писала, — сказала она.

— Что?

— Почерк её, но слова... — Вера покачала головой. — Это не её слова. Это его слова. Он внушил ей это. Заставил написать.

— Как?

— Я не знаю. Но я чувствую. — Она прикоснулась к записке. — Здесь... отпечаток. Не физический. Эмоциональный. Он был здесь. Он держал её руку. Он писал её рукой.

Леший сжал зубы.

— Значит, он убил её. И заставил написать, что всё хорошо.

— Нет. — Вера посмотрела на него. — Она была счастлива. Когда умирала. Он дал ей это. Он дал ей... рай. А потом убил.

— Зачем?

— Потому что она была... — Вера запнулась. — ...бракованной. Она не подошла. Он попробовал, и она не подошла. И он избавился от неё.

Леший вспомнил слова Кукловода: «Ты следующая». И понял: Вера — не просто свидетель. Она — цель. Кукловод хочет её. Хочет использовать.

— Уходим, — сказал он. — Немедленно.

Но было поздно.

Дверь за их спинами открылась. На пороге стоял Кукловод. Без маски. С улыбкой.

— Господин Мельник, — произнёс он. — Или как вас там. Я ждал вас.

Леший выхватил револьвер. Но Кукловод даже не моргнул.

— Опустите оружие. Или мои люди нажмут кнопку. — Он показал на стену. Там, в зеркале, отражались двое охранников с автоматами, направленными на Веру.

Леший замер.

— Что вам нужно?

— Мне нужно, чтобы вы ушли. — Кукловод улыбнулся. — Пока. Вы мне ещё пригодитесь. А девушка... — он посмотрел на Веру, и в его глазах мелькнуло что-то голодное, — ...останется.

— Нет.

— Это не вопрос. — Кукловод поднял руку. — Но я не буду вас убивать. Сегодня. Потому что вы — часть плана. Вы ещё не понимаете, но вы уже работаете на меня. С самого начала.

Леший навёл револьвер на него.

— Я лучше умру.

— Возможно. Но не сегодня. — Кукловод щёлкнул пальцами. — Уведите его.

Охранники шагнули вперёд.

И тут Вера закричала.

Она не кричала слова. Это был просто крик — пронзительный, отчаянный, на грани человеческого. И в этом крике была сила. Стёкла в зеркалах треснули. Охранники схватились за головы. Кукловод пошатнулся.

— Бежим! — крикнула Вера.

Леший не заставил себя ждать. Он схватил её за руку и рванул к двери. Они выскочили в коридор, побежали по лестнице вниз. За спиной — крики, топот, выстрелы.

— Сюда! — Вера указала на пожарную лестницу.

Они вывалились на улицу. Дождь. Холод. Свобода.

Леший обернулся. Из клуба выбегали охранники. Один из них поднял пистолет.

— Вера! Пригнись!

Она присела. Леший выстрелил трижды. Первый охранник упал. Второй спрятался за угол. Третий — нет.

— В машину!

Они добежали до «Крузера». Леший завёл двигатель, рванул с места. Сзади — выстрелы, звон стекла. Пуля пробила заднее стекло, прошла между ними. Вера вскрикнула.

— Держись!

Он вывернул руль, уходя в переулок. Ещё поворот. Ещё. Город принял их в свои объятия — тёмный, мокрый, бесконечный.

Только через двадцать минут он остановился. Заглушил двигатель. Посмотрел на Веру.

— Вы целы?

Она кивнула. Руки дрожали.

— Что это было? — спросила она. — Там. Когда я закричала... Я почувствовала. Как будто что-то вырвалось. Изнутри.

Леший смотрел на неё. Вспомнил слова Кукловода: «Она — идеальный реципиент». И понял: Вера сильнее, чем думает. И опаснее.

— Вы сделали то, что он хотел, — сказал Леший. — Показали ему, на что способны.

Вера побледнела.

— Я не хотела.

— Знаю. Но теперь он знает. И будет охотиться ещё сильнее. — Леший завёл машину. — Нам нужно исчезнуть. На время.

— Куда?

— Туда, где нас не найдут. — Он свернул на трассу. — У меня есть одно место. Под Питером. Зброшенный завод. Там нас никто не тронет.

Они ехали молча. Дождь стучал по крыше. Вера смотрела в окно. Леший — на дорогу.

А где-то позади, в клубе «Эдем», Кукловод стоял у разбитого зеркала. Смотрел на своё отражение — раздробленное, искажённое, но всё ещё улыбающееся.

— Она сильнее, чем я думал, — прошептал он. — Это... интересно.

Он достал телефон. Набрал номер.

— Полковник? Это я. У нас проблема. Она... активировалась раньше времени. Да. Придётся ускорить. Начинайте вторую фазу.

Он отключился. Посмотрел на осколки зеркала. В них отражались десятки его лиц — и все улыбались.

— Игра становится интереснее, — сказал он. — Не так ли, Леший?

Он засмеялся. Тихо. Спокойно. Как человек, который знает, что всё идёт по плану. Даже то, что идёт не по плану.

Глава 4. Мертвые не лгут

Зброшенный завод «Красный Октябрь» стоял на берегу Невы, в двадцати километрах от города. Когда-то здесь плавил сталь, теперь — только ржавчина и тишина. Леший знал

это место по старым временам: здесь у него был схрон — оружейный сейф, запас еды, медикаменты, генератор. Всё, что нужно, чтобы переждать бурю.

Они приехали на рассвете. Дождь прекратился, но небо осталось свинцовым. Вера молчала всю дорогу, глядя в окно на проносящиеся мимо поля и пустыри. Только когда «Крузер» остановился у ворот завода, она спросила:

— Что это за место?

— Моя крепость, — ответил Леший, выходя из машины. — Здесь я прятался, когда ушёл из органов. Никто не знает, кроме одного человека.

— Грома?

Леший не ответил. Он открыл ворота, и они въехали на территорию.

Внутри завода было пусто и гулко. Леший провёл Веру в бывший цех, где у него был оборудован небольшой жилой блок: кровать, стол, печка-буржуйка, ящики с припасами. На стене — карта города, увешанная фотографиями и заметками. Вера подошла, всмотрелась.

— Вы давно это собираете, — сказала она. — Годы.

— Пять лет. С тех пор как умерла Анна.

— Ваша жена.

— Да.

Вера обернулась. Впервые за всё время она смотрела на него не как на наёмника, не как на защитника. Как на человека.

— Расскажите мне о ней.

Леший долго молчал. Потом сел на ящик, достал из кармана помятую пачку сигарет, закурил. Дым поплыл под потолок.

— Анна была журналисткой. Расследования, тёмные дела. Она копалась в историях, которые никто не хотел рассказывать. Однажды вышла на след секты. «Новая Эдем». — Он затаился. — Я тогда служил в ФСБ. Мы думали, это просто сектанты. Психи. Безобидные. Мы ошибались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.